

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН

Рождаемость среди мусульман в современном мире: тенденции и ключевые факторы (обзор исследований и case study)

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-50-76>

Konstantin Kazenin

Fertility among Muslims in Today's World: Key Tendencies and Factors (Overview of Studies and a Case Study)

Konstantin Kazenin — RANEPА; Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia). konstantinkazenin@gmail.com

The paper considers the impact of religion on birth rates among Muslim communities of today's world. The first section contains a brief overview of fertility trends in countries where Muslims constituted the majority by the early twenty-first century. It is shown that, despite a significant decrease of fertility in those countries, in most of them it has not reached the low levels observed in Europe and North America. Then an overview of studies on fertility among Muslims is offered. These studies mainly consider three hypotheses about the impact of religion upon fertility: the "characteristics hypothesis," the "norms hypothesis" and the "minorities hypothesis." Most of these studies show that Islamic norms by themselves are not a factor of higher fertility. Nevertheless, birth rate can be higher in communities where some form of religious ideology plays an important role. At the same time, higher fertility of Muslims is often explained by "traditionalism" in family organization. However, this factor of "family traditionalism" is also valid for other religions. The second section of the paper is a case-study of a Russian region with a Muslim majority, the Republic of Karachay-Cherkesia. The analysis of a survey conducted in 2018 shows that higher fertility is associated with some parameters of personal religiosity of women. The survey results are compared with other studies of Muslims in different parts of the world.

Keywords: fertility, Islam, family planning, abortion, gender relations.

Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках НИР государственного задания РАНХиГС.

ПРОБЛЕМА, которой посвящена данная статья — роль ислама как фактора рождаемости. При анализе влияния религии на рождаемость рассмотрение ислама оправдано двумя основными причинами. Во-первых, рождаемость среди мусульманского населения мира на разных исторических этапах довольно заметно отличалась от рождаемости среди последователей других религий, особенно существенны эти различия были в XX в. — как по абсолютным показателям, так и по трендам рождаемости. Во-вторых, в научной и публицистической литературе многократно высказывалось мнение, что особенности рождаемости среди мусульман объясняются именно исламским вероучением, его требованиями и нормами, касающимися семьи и деторождения. Достаточно много приверженцев имеет и альтернативная точка зрения, согласно которой наблюдаемые различия по рождаемости скорее связаны не с религией как таковой, а с социально-экономическими, социокультурными особенностями мусульманских обществ в новейшее время. Дискуссия на эту тему представляет далеко не только академический интерес, поскольку без понимания факторов, влияющих на рождаемость в разных конфессиональных группах, невозможно прогнозировать дальнейшую динамику воспроизводства населения при разных сценариях мирового развития.

В настоящей статье, после краткого описания изменений рождаемости в исламских странах с середины XX в., делается попытка рассмотреть вопрос о факторах, с которыми связаны особенности рождаемости среди мусульман, на макро- и микроуровне. В первом разделе содержится обзор литературы, посвященной рождаемости среди мусульманского населения разных стран мира. Основное внимание уделяется разным подходам к объяснению отличительных особенностей мусульманских обществ по рождаемости: это подход, основывающийся на вероучительных различиях, и подход, связывающий различия по рождаемости с социальными различиями между приверженцами разных конфессий. Из гипотез о связи религии и рождаемости, представленных в статье К. Казенина и М. Муракаева в настоящей подборке, первый подход согласуется с так называемой «гипотезой норм», а второй — с «гипотезой характеристик».

Во втором разделе предлагается анализ данных опроса женщин репродуктивного возраста, проведенного в одном из регионов РФ

с преобладанием мусульманского населения — в Карачаево-Черкесии. Цель анализа — сопоставить роль для рождаемости факторов, связанных с религией, и факторов, связанных с социальными условиями и культурным контекстом, в котором находятся женщины и их семьи. Результаты анализа опроса обсуждаются в контексте исследовательской проблематики, представленной в первом разделе.

Рождаемость в современных мусульманских обществах: особенности и их возможные причины (обзор исследований)

Представление о том, что рождаемость среди мусульман в мире значительно выше, чем среди представителей других религий, утвердилось в массовом сознании, скорее всего, в 1960–1970-е гг. В это время в большинстве стран Европы, Северной Америки, в промышленно развитых странах Юго-Восточной Азии уровень рождаемости завершал или завершил снижение к уровню простого воспроизводства — около двух детей на одну женщину, что является существенной частью демографических перемен, обобщенно называемых Первым демографическим переходом (см. статью К. Казенина и М. Муракаева в настоящей подборке). В большинстве стран с преобладанием мусульманского населения рождаемость в тот период была в несколько раз выше. Однако последующие изменения рождаемости в этих странах никак не соответствовали «ориенталистскому» взгляду, согласно которому «мир Востока» имеет непреодолимые отличия от мира западного и устойчив в своем несходстве с последним. Как видно в таблице 1, снижение рождаемости в разных по географическому расположению мусульманских странах началось не позднее 1980-х гг. Как и в Европе второй половины XIX — первой половины XX в., этому снижению рождаемости предшествовало радикальное сокращение детской смертности. Например, в арабских странах в 1980-е гг. она уменьшилась по сравнению с 1950-ми гг. минимум на 40%¹. Основные причины снижения рождаемости в мусульманском мире, выделяемые исследователями, в целом мало отличались от причин Первого демографического перехо-

1. Obermeyer, C.M. (1992) "Islam, Women and Politics: the Demography of Arab Countries", *Population and Development Review* 18: 33–57.

да в Европе: это массовый переезд в города, рост уровня образования и занятости женщин, ослабление традиционных семейных норм².

Начавшееся снижение рождаемости затронуло практически все мусульманские страны и имело стабильный характер. Тем не менее, по крайней мере по состоянию на 2000–2010-е гг. об уподоблении исламского мира западному по рождаемости говорить не было оснований. Во-первых, даже в странах, где падение рождаемости было максимальным (Турция, Тунис), она не опускалась или только на очень короткое время опускалась до уровня ниже двух детей на одну женщину, что характерно для абсолютного большинства стран Запада на рубеже XX–XXI вв. Во-вторых, в ряде мусульманских стран рождаемость после нескольких десятилетий быстрого снижения «закрепилась» на уровне трех-четырёх детей на одну женщину. Например, «торможение» (stalling) снижения рождаемости на уровне более 3,8–4 детей в 2000-е гг. наблюдалось в Иордании³. «Обратный» подъём рождаемости от уровня около трех детей фиксировался с середины 2000-х в Египте⁴. Отличались многие мусульманские страны от стран западного мира в последние десятилетия и по возрастным характеристикам рождаемости. Лишь в некоторых из них, как в Тунисе, средний возраст матери при рождении первого ребенка в 2010-е гг. подошел к 30 годам, сближаясь с этим показателем для стран Южной Европы⁵. В гораздо большем количестве стран с преобладанием мусульманского населения «пик» материнства в последние десятилетия приходился на возраст 20–24 года, как, например, в Египте⁶, в Иордании⁷, в Кыргызстане⁸.

2. Courbage, Y. (2015) “The Political Dimensions of Fertility Decrease and Family Transformation in the Arab Context”, *DIFI Family Research and Proceedings* 3.
3. Cetorelli, V., Leone, T. (2012) “Is Fertility Stalling in Jordan?”, *Demographic Research* 26: 293–318.
4. Al Zalak, Z., Goujon, A. (2017) “Exploring the Fertility Trend in Egypt”, *Demographic Research* 37: 995–1030.
5. Eltigani, E. E. (2009) “Toward Replacement Fertility in Egypt and Tunisia”, *Studies in Family Planning* 40(3): 215–226.
6. Al Zalak, Z., Goujon, A. “Exploring the Fertility Trend in Egypt”.
7. Cetorelli, V., Leone, T. (2012) “Is Fertility Stalling in Jordan?”.
8. Kazenin, K., Kozlov, V. (2020) “What Factors Support the Early Age Patterns of Fertility in a Developing Country: the Case of Kyrgyzstan”, *Vienna Yearbook of Population Research* 18: 185–213.

Таблица 1. Суммарные коэффициенты рождаемости (число детей на одну женщину) в ряде стран с преобладанием мусульманского населения, 1965–2020 (оценки ООН для шестилетних периодов)

	1965– 1970	1970– 1975	1975– 1980	1980– 1985	1985– 1990	1990– 1995	1995– 2000	2000– 2005	2005– 2010	2010– 2015	2015– 2020
Бангладеш	6,92	6,91	6,63	5,98	4,98	4,06	3,43	2,94	2,48	2,21	2,05
Египет	6,45	6,00	5,70	5,49	5,00	4,15	3,60	3,15	3,02	3,45	3,33
Индонезия	5,57	5,30	4,73	4,11	3,40	2,90	2,55	2,52	2,50	2,45	2,32
Иордания	7,99	7,79	7,38	7,05	6,02	5,06	4,30	4,00	3,80	3,40	2,77
Иран	6,68	6,24	6,28	6,53	5,62	3,70	2,40	1,92	1,82	1,91	2,15
Кувейт	7,40	6,75	5,60	5,00	3,65	2,55	3,00	2,60	2,40	2,10	2,10
Марокко	6,85	6,40	5,90	5,40	4,43	3,70	2,96	2,67	2,53	2,60	2,42
Пакистан	6,60	6,60	6,60	6,44	6,30	5,96	5,37	4,71	4,17	3,78	3,55
Таджикистан	7,00	6,83	5,90	5,60	5,50	4,88	4,29	3,72	3,61	3,61	3,61
Тунис	6,92	6,38	5,65	4,82	4,00	2,98	2,34	2,04	2,02	2,25	2,20
Турция	5,80	5,39	4,69	4,11	3,39	2,90	2,65	2,37	2,20	2,12	2,08

Источник: United Nations Population Division (www.undp.org)

Итак, несмотря на заметное снижение рождаемости, стремительно произошедшее всего за несколько десятилетий, исламский мир в целом демонстрирует «сопротивляемость» переходу рождаемости на уровень ниже простого воспроизводства и повышению возраста материнства. Далее в данном разделе предлагается краткий обзор исследований рождаемости среди мусульман, который не претендует на полноту охвата литературы, но позволяет оценить перспективы объяснения отличительных особенностей «мусульманской» рождаемости на основе гипотез о связи рождаемости с религией, представленных в статье К. Казенина и М. Муракаева настоящей подборки.

Гипотеза норм объясняет влияние религии на рождаемость особенностями вероучения. Важнейший при исследовании рождаемости аспект исламского вероучения касается, разумеется, отношения к планированию семьи. Мнение о запрете использования средств планирования семьи в исламе в целом является ошибочным, хотя разные мусульманские правовые школы отличаются по тому, в какой ситуации и в какой степени они одобря-

ют применение таких средств⁹. Примечательно, что исламские политические режимы в разных странах в последние полвека заметно отличались друг от друга по своему отношению к программам планирования семьи, а также могли менять это отношение на разных этапах своего существования. Так, сразу после исламской революции 1979 г. в Иране ее руководители отменили действовавшую ранее в стране программу поддержки планирования семьи, однако в 1986 г., когда рост населения страны стал достигать критических темпов, с одобрения религиозных лидеров была принята новая госпрограмма такого рода¹⁰. В Пакистане пришедший к власти в результате переворота 1977 г. генерал Зия уль-Хак, проводя политику исламизации государственной системы, вслед за авторитетными для него религиозными деятелями проявлял нетерпимость к любой государственной поддержке контроля рождаемости¹¹. Отсюда видно, что в политически активных исламских кругах в последние полвека не было единства относительно допустимости планирования семьи. Также приведенные примеры показывают, что «антиконтрацептивную» позицию могут занимать исламские политические силы как шиитской (Иран), так и суннитской (Пакистан) принадлежности. Однако в любом случае сокращение рождаемости, имевшее место в последние десятилетия в мусульманских странах, вряд ли могло бы произойти без существенного повышения уровня использования контрацепции их населением. Добавим также, что по крайней мере с начала XXI в. государственная поддержка планирования семьи осуществляется в большинстве этих стран¹².

Это не исключает того, что в отдельных странах и регионах высокая рождаемость среди мусульман может объясняться именно

9. Jones, G. W. (2006) "A Demographic Perspective of the Muslim World", *Journal of Population Research* 23(2): 243–265.
10. Hoodfar, H., Assadpour, S. (2000) "The Politics of Population Policy in the Islamic Republic of Iran", *Studies in Family Planning* 31(1): 19–34; Mehryar, A. (2005) "Shi'ite Teachings, Pragmatism and Fertility Change in Iran", in G. W. Jones, M. S. Karim (eds) *Islam, the State and Population*, pp. 118–156. London.
11. Jones, G. W. (2006) "A Demographic Perspective of the Muslim World".
12. См. Kaufmann, E. (2008) "Islamism, Religiosity and Fertility in the Muslim World", paper presented at the European Population Conference, Barcelona, Spain, July 9–12; в качестве обзора государственной политики в этой сфере в отдельных странах см., напр., по Иордании: Cetorelli, V., Leone, T. "Is Fertility Stalling in Jordan?"; по Алжиру: Ouadah-Bedidi, Z., Vallin, J. (2012) "Fertility and Population Policy in Algeria: Discrepancies Between Planning and Outcomes", *Population and Development Review* 38: 179–196.

негативным отношением к планированию семьи с религиозных позиций, причем не столько со стороны власти, сколько со стороны части населения. Так, известный специалист по демографии Юго-Восточной Азии Дж. Кнодель с соавторами продемонстрировал, что более высокая рождаемость мусульманского населения Таиланда по сравнению с буддистским населением в 1990-е гг. объяснялась негативным отношением к использованию контрацепции, доминировавшим, согласно проведенным опросам, среди мусульман этой страны¹³. Как предполагают авторы исследования, это негативное отношение отражало позицию религиозных деятелей, наиболее авторитетных на тот момент среди тайских мусульман. Негативным отношением к планированию рождаемости среди масс верующих, вне зависимости от позиций властей по этому вопросу, объясняют исследователи и достаточно медленное распространение соответствующих практик в Пакистане на рубеже веков¹⁴. Недавнее исследование по рождаемости в Нигерии¹⁵ показало, что уровень использования контрацепции там в целом ниже среди мусульманского населения по сравнению с христианским, однако наиболее велик контраст по этому показателю между жителями севера страны, где с 1990-х гг. имело место возвращение к использованию шариатского права, и всем остальным населением. Как полагают авторы, в «шариатской» части страны могло утвердиться отношение к планированию семьи как к элементу «западного влияния», пусть и не запрещенному напрямую религиозным правом.

Что касается запрета на аборт, то с ним также ситуация не вполне однозначна. Жесткие ограничения на искусственное прерывание беременности признаются практически всеми исламскими направлениями, однако между ними есть различия по условиям, в которых аборт признается возможным (только при угрозе жизни женщине; при определенных видах угроз ее здоровью; в случае повреждения плода; в случае, когда беременность возникла в результате преступления сексуального характера), и по максимальному сроку беременности, на котором он

13. Knodel, J., Gray, R. S., Sriwatcharin, P., Peracca, S. (1999) "Religion and Reproduction: Muslims in Buddhist Thailand", *Population Studies* 53(2): 149–164.
14. Casterline, J. B., Sathar, Z. A., ul Haque, M. (2001) "Obstacles to Contraceptive Use in Pakistan: A Study in Punjab", *Studies in Family Planning* 32(2): 95–110.
15. Stonawski, M., Potančoková, M., Cantele, M., Skirbekk, V. (2016) "The Changing Religious Composition of Nigeria: Causes and Implications of Demographic Divergence", *The Journal of Modern African Studies* 54(3): 361–387.

в принципе допустим¹⁶. Кроме того, страны с преобладанием мусульманского населения различаются по законодательным ограничениями на аборт. По состоянию на 2011 г.¹⁷ в 18 таких странах аборт разрешался только в случае угрозы жизни женщины (в том числе в Афганистане, Бангладеш, Египте, Ираке, Индонезии, Нигерии, ОАЭ); в 10 странах эта процедура была разрешена без каких-либо специальных оснований до определенного срока беременности (Албания, Бахрейн, Тунис, Турция, постсоветские страны Закавказья и Средней Азии); в остальных странах с преобладанием мусульманского населения аборт разрешался при строго определенных условиях, но не только при угрозе жизни женщины. В целом отношение исламского вероучения к абортам, несмотря на отсутствие их полного запрета, может рассматриваться как один из нормативных факторов, поддерживающих рождаемость. Однако необходимо добавить, что, согласно ряду исследований, ситуация с исполнением запретов на искусственное прерывание беременности в некоторых мусульманских странах выглядела в последние годы неоднозначно; в частности, в отдельных странах с жесткими законодательными ограничениями на эту процедуру существует практика нелегальных аборт¹⁸.

Еще одним «нормативным» фактором, потенциально повышающим рождаемость среди мусульманского населения, можно было бы считать допустимость многоженства в исламе. Однако распространенность этого явления в абсолютном большинстве стран, скорее всего, довольно невелика. В 1980-е гг. исследователи оценивали уровень многоженства в странах с преобладанием мусульманского населения максимум в 12% от общего числа браков, а в большинстве стран всего в 5%¹⁹. Некоторую картину дальнейшей динамики может дать доля женщин, сообщивших, что их супруг имеет еще одну или несколько жен, среди всех женщин 15–49 лет, состоящих в браке, согласно стандартизованному опро-

16. См. обзор в Shapiro, G. K. (2014) "Abortion Law in Muslim-Majority Countries: an Overview of the Islamic Discourse with Policy Implications", *Health Policy and Planning* 29(4): 483–494.

17. Ibid.

18. Capelli, I. (2019) "Non-Marital Pregnancies and Unmarried Women's Search for Illegal Abortion in Morocco", *Health and Human Rights* 21(2): 33–46; Tønnessen, L., Al-Nagar, S. (2019) "The Politicization of Abortion and Hippocratic Disobedience in Islamist Sudan", *Health and Human Rights* 21(2): 7–20.

19. Chamie, J. (1986) "Polygyny among Arabs", *Population Studies* 40(1): 55–66.

су *Demography and Health Survey* (приведены данные последних по времени опросов в ряде мусульманских стран, и, при наличии, данные опроса, проводившегося на двадцать или более лет раньше): Египет 2014 — 3%, Иордания 2017–2018 — 4% (1997 — 6,5%), Пакистан 2017–2018 — 4% (1990–91 — 0,2%), Турция 2017 — 1,7%. Даже если предположить, что часть респондентов при опросах скрывает факт многоженства, распространенность этого явления, видимо, все же не такова, чтобы оно могло существенно повышать общий уровень рождаемости.

Что касается религиозных норм, связанных вообще с взаимоотношениями полов в семье и социуме, то демографы, специализирующиеся по исламским странам, уже несколько десятилетий назад констатировали, что на практике эти нормы осознаются в исламских обществах по-разному, а потому невозможно говорить и об их единообразном влиянии на рождаемость. В этом легко убедиться, сопоставляя семейную политику в различных государствах Востока в последние десятилетия. Так, К. Обермейер в работе 1994 г.²⁰ показывает, что во второй половине XX в. различные режимы в мусульманских странах могли проводить в семейной сфере совершенно разную политику, при этом обосновывая ее требованиями религии. Например, если лидеры Иранской революции 1979 г. в целом способствовали закреплению в обществе жестких гендерных асимметрий, при которых самостоятельность женщины существенно ограничивалась, то власти Туниса в 1950–1970-е гг. были нацелены на модернизационные преобразования в семейной сфере (запрет многоженства, повышение уровня образования женщин), также находя этой политике религиозные обоснования. Существенные различия между исламскими странами в вопросе о положении женщины на рубеже XX–XXI вв.²¹ указывают на то, что о каком-либо едином «исламском стандарте» гендерных отношений и, соответственно, о его единообразном влиянии на рождаемость в этих странах говорить не приходится.

20. Obermeyer, C. M. (1994) "Religious Doctrine, State Ideology, and Reproductive Options in Islam", in G. Sen, R. C. Snow (eds) *Power and Decision: The Social Control of Reproduction*, pp. 59–75. Boston: Harvard Center for Population and Development Studies.

21. Ср. обсуждение подобной вариативности между арабскими странами по состоянию на 1980–1990-е годы в: Obermeyer, C. M. (1992) "Islam, Women, and Politics: The Demography of Arab Countries", *Population and Development Review* 18(1): 33–60.

Итак, предположения о том, что определенные нормы ислама являются основной причиной различий по рождаемости между мусульманами и приверженцами других религий, как показывают исследования, не являются верными. Однако отношение к нормам религии может объяснять различия по рождаемости внутри мусульманских обществ. Это демонстрируют исследования британского демографа Э. Кауфманна²², который на базе имеющихся опросов конца 1990-х — начала 2000-х гг. изучает корреляцию количества детей и религиозных взглядов индивида в нескольких мусульманских странах. Главный результат его анализа состоит в том, что признание респондентом мусульманского закона (шариата) лучшим законодательством для страны коррелирует с большим количеством детей, причем эта корреляция прослеживается и в тех социальных группах, где рождаемость ниже, чем у населения в целом (среди городского населения, среди населения с высоким уровнем образования). Исследователь показывает, что формирование в исламском мире особого «репродуктивного режима», характерного для той части населения, которая разделяет религиозную идеологию, может происходить на фоне продолжающейся общей социальной модернизации (роста городов, развития современной экономики и т. д.), поскольку в данном случае повышенная рождаемость связана не с социально-экономическими факторами, а именно с идеями и ценностями. При этом Кауфманн подчеркивает, что нормы высокой рождаемости имеют наибольшую перспективу закрепиться там, где они поддерживаются не только на уровне семьи, но и на уровне целых «исламистских» сообществ, объединенных религиозной идеологией (попытку эмпирического анализа взглядов таких сообществ на вопросы семьи см. в статье И. В. Стародубровской в настоящей подборке). Еще одно известное исследование, продемонстрировавшее различия по количеству детей в зависимости от личного отношения к религии, было проведено для мусульман европейских стран (как мигрантов, так и коренных жителей) на базе нескольких волн международного опроса *World Value Survey* 1990–2000 гг.²³ Число детей оказалось выше у тех женщин, которые в ходе опроса заявили, что верят в основные догматы ислама. Существенно, что эта взаимосвязь сохранялась и при учете соци-

22. Kaufmann, E. "Islamism, Religiosity and Fertility in the Muslim World".

23. Westoff, R., Freijka, T. (2007) "Religiousness and Fertility among European Muslims", *Population and Development Review* 33(4): 785–809.

ально-экономических различий между респондентами, что указывало на самостоятельную роль религии в вопросе рождаемости.

Таким образом, с одной стороны, утверждать, что среди мусульманского населения современного мира доминируют нормы, поддерживающие высокую рождаемость, было бы не вполне верным. Более того, в целом неверны и представления о запрете контроля рождаемости в исламском вероучении. Тем не менее, в некоторых странах или регионах, а также среди отдельных групп мусульманского населения установка на многодетность или на сознательный отказ от планирования семьи может быть связана с требованиями религии и с религиозными взглядами конкретных индивидов.

Гипотеза характеристик подразумевает, что межконфессиональные различия по рождаемости не имеют прямого отношения к религии, а являются «побочным продуктом» различий приверженцев разных религий по другим параметрам. В наиболее жестком варианте эта гипотеза предполагает, что отличия мусульман от других религиозных групп по уровню рождаемости объясняются различиями по базовым социально-экономическим признакам, значимым для репродуктивного поведения. Например, более высокая рождаемость у мусульман может объясняться их большей долей среди групп, обычно характеризующихся более высокой рождаемостью — среди сельского населения или среди людей с низким уровнем образования. Именно такое объяснение выдвигается в одном из новейших исследований, основанном на данных переписей, относительно мусульман — как мигрантов, так и коренных жителей — в Болгарии, Греции и Испании²⁴. Авторы делают вывод, что меры государственной политики, направленные на улучшение социально-экономического положения мусульман, способны устранить диспропорции в рождаемости. Похожие результаты были получены не только для европейских стран — см. работу Дж. Джонсон-Хэнкс²⁵ по поликонфессиональным странам Западной Африки (Бенин, Буркина-Фасо, Гана, Камерун, Кот-д'Ивуар, Нигерия и Чад), для которых количественные опросы, проведенные в конце 1990-х — начале 2000-х гг., выявили регулярно более высокую рождаемость среди

24. Stonawski, M., Potančoková, M., Skirbekk, V. (2016) "Fertility Patterns of Native and Migrant Muslims in Europe", *Population, Space, and Place*, 22: 552–567.

25. Johnson-Hanks, J. (2006) "On the Politics and Practice of Muslim Fertility", *Medical Anthropology Quarterly* 20(1): 12–30.

мусульманского населения. Автор показывает, что если учитывать в статистическом анализе не только конфессиональные различия, но и различия по уровню образования, городскому/сельскому проживанию, возрасту вступления в брак, то оказывается, что сам по себе религиозный фактор для различий по рождаемости почти незначим.

Гипотеза характеристик подтверждается и исследованиями подъема рождаемости, наблюдаемого в некоторых арабских странах одновременно с революционными событиями начала 2010-х гг. В работе З. Аз-Залака и А. Гужон²⁶ опровергаются представления о том, что рост рождаемости в Египте в годы «арабской весны» был вызван реисламизацией общественной жизни, а также невниманием новых властей к поддержке планирования семьи. В действительности подъем рождаемости, о котором идет речь, начался за несколько лет до революции 2011 г. и, как показывают авторы, имел в том числе и социально-экономические причины. Важнейшая из них — структурные изменения в экономике Египта, в результате которых еще при президентстве Х. Мубарака заметно вырос уровень безработицы среди женщин с высшим образованием. Именно женщины с высшим образованием и внесли наиболее существенный вклад в рост рождаемости, причем пик рождаемости у них в этот период сместился к более молодым возрастам. Причины таких сдвигов авторы находят в том, что, получив высшее образование, но не видя для себя перспектив на рынке труда, женщины предпочитали сразу по окончании учебы создать семью, тем самым выбрав «карьеру» материнства. Отметим, что такое объяснение хотя и «устраняет» фактор религии, все же предполагает существенное отличие между египетским обществом и обществом большинства европейских стран, в которых рост безработицы в последние десятилетия, как правило, вел к массовому откладыванию вступления в брак и деторождения²⁷. Эти различия демографической реакции на экономические трудности заставляют думать, что в Египте, благодаря по-прежнему значительному уровню взаимной поддержки среди родственников, а также высокой ценности семьи в массовом сознании, статус жены и матери создает для женщины определенный уровень

26. Al Zalak, Z., Goujon, A. "Exploring the Fertility Trend in Egypt".

27. См., напр., Sobotka, T., Skirbekk, V., Philipov, D. (2011) "Economic Recession and Fertility in the Developed World", *Population and Development Review* 37(2): 267–306, на примере экономического кризиса 2008 года.

социальной защищенности (что, в свою очередь, разумеется, может быть связано и с религиозными факторами).

Имеются и другие исследования, в которых отличия репродуктивного поведения мусульман от представителей других конфессий объясняются различиями в семейном укладе, семейных ценностях. Часто в качестве характеристик, предопределяющих более высокую рождаемость в мусульманских обществах, рассматривается подчиненный социальный статус женщины, малая степень ее участия в принятии решений, касающихся ее собственной жизни и жизни ее семьи (*women autonomy*²⁸). Выше мы видели, что такое положение женщины, когда оно наблюдается в том или ином исламском социуме, в общем случае трудно напрямую связать с религиозными нормами. Тем не менее, фактические различия между разными конфессиями по таким параметрам могут объяснять и различия между ними по рождаемости. В исследованиях 1970–1990-х гг. объяснение высокой рождаемости среди мусульман положением женщины в исламском обществе было весьма популярным. Суть этого объяснения можно кратко выразить, например, следующей цитатой: «Мужское доминирование (в мусульманском обществе) поддерживается “сцеплением” и взаимным усилением родственных отношений и элементов политической и религиозной систем. Влияние норм социальной изоляции женщин распространяется и на рынок труда, жестко ограничивая возможность для женщин иметь собственный доход... Шаткость социального положения женщины в патриархальных обществах создает мощную системную поддержку рождаемости»²⁹. То есть большое количество детей, согласно предложенному объяснению, является в такой ситуации основным способом для женщин закрепить свое положение в семье и в социуме³⁰. Кроме того, часто высказывается предположение, что подчиненное положение женщины снижает вероятность использования средств планирования семьи: при жестком контроле над женщиной со сто-

28. Koenig, M., Ahmed, S., Hossain, M., Mozumder, A. (2003) “Women’s Status and Domestic Violence in Rural Bangladesh: Individual- and Community-Level Effects”, *Demography* 40(2): 269–288.

29. Cain, M., Khanam, S.R., Nahar, Sh. (1979) “Class, Patriarchy, and Women’s Work in Bangladesh”, *Population and Development Review* 5: 405–438.

30. Cp. Salway, S.M. (2007) “Economic Activity Among UK Bangladeshi and Pakistani Women in the 1990s: Evidence for Continuity or Change in the Family Resources Survey”, *Journal of Ethnic and Migration Studies* 33(5): 825–847, где похожее объяснение предлагается для высокой рождаемости в некоторых группах в Великобритании у мигрантов из стран с преимущественно мусульманским населением.

роны ее супруга и родственников, предполагающем ограничения в передвижении, контактах и т. д., у женщины меньше возможностей получить информацию о соответствующих средствах, а при ограниченном влиянии женщины на принимаемые в семье решения — меньше возможности настоять на их использовании.

Сама по себе связь между подчиненным положением женщины и высокой рождаемостью не подвергается сомнению в демографических исследованиях. Однако вопрос о том, насколько этот фактор перспективен для объяснения имеющихся различий по рождаемости между мусульманами и приверженцами других конфессий, более сложен. Например, в уже упомянутой работе Джонсон-Хэнкс по странам Западной Африки показано, что среди мусульман в этих странах уровень автономии женщин обычно ниже. Однако для объяснения межконфессиональных различий по рождаемости он оказался «избыточным»: все эти различия, как мы видели, в случае Западной Африки могут быть объяснены разницей в социально-экономическом положении населения, принадлежащего к разным конфессиям. Весьма интересные в этом отношении результаты получены также в известной работе С. Моргана и соавторов³¹, где сопоставляется рождаемость мусульман и представителей других религий в 14 поликонфессиональных муниципалитетах четырех азиатских стран — Индии, Малайзии, Таиланда, Филиппин. В большинстве случаев оказывается, что у мусульман, по сравнению с живущими по соседству приверженцами других религий, выше среднее число детей на одну женщину (со стандартизацией по возрасту); выше доля женщин, заявивших в ходе опроса, что хотят иметь больше детей; и ниже доля использующих контрацепцию среди тех, кто заявил о желании прекратить деторождение. Одновременно оказалось, что среди мусульман на большинстве рассматриваемых территорий ниже свобода передвижения женщин, уровень их участия в решении семейных вопросов, касающихся крупных покупок, и т. д. Однако принципиально важный результат состоит в том, что не было обнаружено статистической корреляции между, с одной стороны, разницей в рождаемости между мусульманами и живущими на одной территории с ними немусульманами, и, с другой стороны, разницей в степени автономии женщин в этих группах.

31. Morgan, S. P., Stash, S., Smith, H. L., Mason, K. O. (2002) "Muslim and Non-Muslim Differences in Female Autonomy and Fertility: Evidence from four Asian Countries", *Population and Development Review* 28(3): 515–537.

Это, с точки зрения авторов, ставит под сомнение возможность объяснить особенности рождаемости среди мусульман характеристиками семейного уклада — даже при отличии по семейному укладу мусульман от других религиозных групп.

По вопросу о том, может ли более высокая рождаемость среди мусульман объясняться особенностями социального статуса женщины, большой интерес представляют результаты исследований в Индии. В статье Т. Дайсона и М. Мура 1983 г.³², остающейся на сегодняшний день одной из самых цитируемых работ по демографии Южной Азии, показано, что индийские штаты на момент исследования отчетливо делились на две группы, различавшиеся сразу по нескольким параметрам. Северные штаты по сравнению с южными и восточными характеризовались более высокой рождаемостью, более молодым возрастом вступления женщин в брак, заметным превышением уровня детской смертности у девочек по сравнению с мальчиками и более низким уровнем автономии женщин. При этом в обе противопоставляемые группы попадали штаты с разным конфессиональным составом населения, то есть «водораздел» по статусу женщин и рождаемости не проходил между «исламскими» и всеми другими штатами. Некоторые последующие исследования по Индии говорят о различиях по рождаемости между мусульманами и представителями других конфессий³³. Но эти различия, по крайней мере во время, отраженное исследованием Дайсона и Мура, не могли быть объяснены различием положения женщины в семье в разных конфессиях.

Вывод о том, что религиозный фактор и особенности социального статуса женщины могут оказывать независимое друг от друга влияние на рождаемость, был сделан в недавнем исследовании в Турции³⁴. Анализ опросов, проведенных в 2008 и 2013 гг., показал, что, при прочих равных, количество детей выше у женщин с более высокой личной религиозностью (последняя «измеряется» на основе ответов женщин на вопросы о совершении ими регулярной мусульманской молитвы — намаза, о соблюдении поста — уразы, ношении хиджаба). С другой стороны, количество

32. Dyson, T., Moore, M. (1983) "On Kinship Structure, Female Autonomy, and Demographic Behavior in India", *Population and Development Review* 9(1): 35–60.

33. Dharmalingam, A., Morgan, P. S. (2004) "Pervasive Muslim-Hindu Fertility Differences in India", *Demography* 41(3): 529–545.

34. Hatun, D., Warner, D. F. (2021) "Disentangling the Roles of Modernization and Secularization on Fertility: The Case of Turkey", *Population Research and Policy Review* 41: 1161–1189.

детей у женщины обнаружило негативную связь с уровнем ее образования; также число детей оказалось ниже у женщин, продемонстрировавших в ходе опроса согласие с принципами гендерного равенства в семье (об отношении к гендерному равенству свидетельствовали ответы на вопросы о том, должны ли оба супруга участвовать в принятии ключевых семейных решений, должен ли муж участвовать в работе по дому, одинаково ли важно дать образование сыну и дочери). Важно, что при этом религиозность имела примерно одинаковый «повышающий» эффект на рождаемость среди женщин с разным уровнем образования и среди женщин с разным отношением к гендерному равенству. На этой основе авторы утверждают, что для мусульманских стран могут оказаться неадекватными представления, лежащие в основе теории Второго демографического перехода (см. о ней статью К. Казенина и М. Муракаева в настоящей подборке), согласно которым секуляризация и движение к гендерному равенству — это два неотделимых друг от друга процесса, влияющих на рождаемость в тесной связи друг с другом. Пример Турции показывает, что и в той части мусульманского социума, где отношения полов достаточно модернизированы, религиозные факторы могут препятствовать снижению количества детей. Такой вывод во многом согласуется с результатами гораздо более раннего исследования Вестоффа и Фрейки, уже упомянутого выше. Там было показано, что среди женщин-мусульманок Западной Европы рождаемость, при прочих равных, выше и в том случае, если женщина положительно относится к традиционным нормам семейного уклада (таким как жесткое разделение в семье функций мужчины — «добытчика» и женщины — «хранительницы очага»), и в том случае, когда женщина следует основным нормам религии³⁵. При этом между отношением к нормам религии и к гендерным асимметриям в семье статистической связи не обнаружилось.

Что касается *гипотезы меньшинств*, то она, разумеется, применима только к тем мусульманским группам, которые образуют численное меньшинство в своей стране или регионе. Харак-

35. Следует оговориться, что при анализе подобных данных необходимо учитывать возможность обратной причинной связи (reverse causality): не только принятие женщиной традиционных семейных норм может способствовать многодетности, но и многодетная женщина, у которой сильно ограничены возможности для получения образования, работы и т. д., при опросах может с большей вероятностью давать положительную оценку жестким гендерным асимметриям как фактически действующим в ее частной жизни.

терная для меньшинств установка на высокую рождаемость была обнаружена для мусульман Палестины³⁶, а также, например, для мусульман в тех странах Западной Африки, в которых они составляют вторую по численности конфессию³⁷. В среде мигрантов-мусульман в Европе отчетливо видны два разных сценария: сохранение уровня рождаемости, близкого к их исторической родине, и ассимиляция по рождаемости с принимающим населением³⁸. Оба варианта не противоречат гипотезе меньшинств, которую мы здесь рассматриваем менее подробно, чем две другие гипотезы, поскольку она приложима лишь к особым группам мусульманского населения.

Для рождаемости мусульман, не образующих меньшинства в своей стране или регионе, из содержащегося в настоящем разделе обзора исследований, на наш взгляд, можно сделать три основных вывода.

Во-первых, контрасты по рождаемости между странами, в которых преобладают последователи ислама, и странами с другим конфессиональным составом населения сегодня не так велики, как несколько десятилетий назад. Тем не менее, лишь в очень малом числе исламских стран рождаемость упала до «европейского» уровня, то есть меньше двух детей на одну женщину. В ряде стран Ближнего Востока и Центральной Азии рождаемость стабильно и значительно превышает этот уровень. Ожидания, что в ближайшие десятилетия по уровню рождаемости мусульманский мир будет мало отличим от стран Запада, не имеют под собой серьезных оснований. Кроме того, для мусульманских стран в гораздо меньшей степени, чем для большинства стран Европы, характерен сегодня сдвиг материнства к более старшим возрастам.

Во-вторых, само по себе вероучение ислама вряд ли может рассматриваться как фактор, который способствует повышенной рождаемости среди последователей этой религии. Однако в некоторых группах мусульманского населения относительно высокая рождаемость все же имеет именно религиозные объяснения. В таких группах, в отличие от других частей мусульманского населе-

36. Goldscheider, C. (2006) "Religion, Family, and Fertility: What do We Know Historically and Comparatively?", in R. Derosas, F. van Poppel (eds) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*, pp. 41–57. Springer.

37. Johnson-Hanks, J. "On the Politics and Practice of Muslim Fertility".

38. См. обзор в: *Казенин К.И.* Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. № 4(4). С. 6–79.

ния, может наблюдаться отношение к планированию семьи либо как к прямому нарушению исламских норм, либо просто как к атрибуту «безбожной» цивилизации.

В-третьих, в целом неверно утверждение, что особенности статуса женщины в мусульманских обществах ведут к регулярным межконфессиональным различиям по рождаемости. Среди мусульман ряда стран, действительно, сохраняются достаточно жесткие противопоставления гендерных ролей. Они, как показали исследования, часто коррелируют и с более высокой рождаемостью. Однако и подобная ситуация в гендерных отношениях, и ее связь с рождаемостью могут наблюдаться в развивающихся странах у последователей разных религий. С другой стороны, в некоторых мусульманских странах у женщин, характеризующихся личной религиозностью, рождаемость остается более высокой даже на фоне продвижения гендерного равенства. Все это говорит о том, что в мусульманском мире социальное положение женщины и религия — это два фактора, способные независимо друг от друга влиять на рождаемость, но не имеющие регулярной связи друг с другом.

Case study: факторы, влияющие на рождаемость в регионе с преобладанием мусульманского населения (на примере Карачаево-Черкесии)

Цель данного раздела — исследовать факторы, влияющие на рождаемость среди мусульманского населения «на микроуровне», то есть в отдельном, относительно небольшом сообществе, в котором численно преобладают мусульмане. Такое сравнение основано на опросе женщин репродуктивного возраста, проведенном в 2018 г. в одном из регионов Северного Кавказа — Карачаево-Черкесской Республике³⁹. В ходе опроса, с одной стороны, выявлялись основные социально-демографические характеристики женщин-респондентов (возраст с точностью до месяцев, городское/сельское место рождения и проживания на момент окончания школы и на момент опроса, уровень образования, брачный статус, количе-

39. Опрос женщин 18–39 лет проводился в рамках НИР РАНХиГС в мае — июне 2018 г. путем личного интервьюирования (с последующим телефонным контролем) во всех городских округах и муниципальных районах Карачаево-Черкесии. Всего было опрошено 756 женщин, с квотированием по соотношению населения разных муниципальных образований. Подробно о технологии проведения опроса и его основных дескриптивных результатах см. в: *Казенин К. И.* Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии? // Демографическое обозрение. 2019. № 6(3). С. 98–127.

ство детей, год и месяц рождения каждого из них и т. д.), а с другой стороны, задавались вопросы, касающиеся личной религиозности женщины и особенностей уклада ее семьи. Относительно религиозности ставились вопросы о том, считает ли женщина себя верующей, считает ли важным религиозное воспитание детей, совершает ли предписанную религией ежедневную молитву, соблюдает ли пост, посещает ли богослужение и если да, то с какой регулярностью⁴⁰. В качестве косвенного «измерителя» личной религиозности можно рассматривать и вопрос об отношении женщины к абортам, поскольку взгляд на данную практику как на запретную при любых обстоятельствах с большой вероятностью может иметь религиозные основания. Вопросы о семейном укладе позволяли оценить, насколько действенны в семье женщины традиционные для Северного Кавказа поколенческие и гендерные иерархии⁴¹. Вопросы касались «степеней свободы» женщины в принятии важных жизненных решений: требуется ли ей одобрение старших родственников для таких шагов, как создание семьи или развод, переезд в другой регион или населенный пункт, начало трудовой деятельности или смена работы. Замужним женщинам также задавались вопросы об их вкладе в семейный бюджет, о том, получали ли они образование и работали ли после заключения брака. Цель опроса состояла в том, чтобы исследовать связь перечисленных выше параметров религиозности и семейного уклада с вероятностью рождения у женщины первого и второго ребенка. Исследования, представленные в первом разделе, позволяют ожидать, что обе группы факторов могут быть значимы для рождаемости.

Выбор Карачаево-Черкесии из всех регионов России с преобладанием мусульманского населения для проведения такого исследования оправдан несколькими причинами. Во-первых, в Карачаево-Черкесии, как и в других регионах Северного Кавказа, постсоветское время характеризовалось определенным «ислам-

40. Опросом были охвачены как автохтонные этносы Карачаево-Черкесии, так и русское население, среди которого большинство респондентов идентифицировало себя как православных. При этом доля русских среди всех респондентов составила около 15%. Эти респонденты включались в анализ, поскольку можно было предположить, что среди представительниц разных конфессий в регионе действуют сходные механизмы связи религии и рождаемости. Контрольный анализ, проведенный для подвыборки, исключавшей русских респондентов, дал результаты, мало отличающиеся от результатов анализа полной выборки.

41. См. о них: *Стародубровская И. В.* Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17(1). С. 37–54.

ским возрождением», которое было ознаменовано заметным ростом общего уровня религиозности местного населения, а также повышением социальной роли ислама⁴². При этом, однако, здесь «исламизация» не была столь значимой, как, например, в Дагестане, Чечне и Ингушетии; в частности, среди жителей республики выделялись достаточно представительные группы с разным отношением к религии. Это в полной мере подтвердили и результаты опроса: например, доля тех, кто сообщил о соблюдении требований религии касательно регулярного совершения молитвы и соблюдения поста, составила соответственно 46% и 39%. Для сравнения, в Ингушетии опрос женщин, проведенный на год позже, чем в Карачаево-Черкесии, дал совершенно иные проценты — соответственно 85% и 77%⁴³, а в Дагестане опрос 2016 г. — 72% и 82%⁴⁴. Вариативность в отношении к требованиям религии среди опрошенных в Карачаево-Черкесии давала больше возможностей сопоставить репродуктивное поведение женщин с разным уровнем религиозности, в разной степени выполняющих требования религии.

Во-вторых, в Карачаево-Черкесии в течение нескольких десятилетий наблюдались значительные трансформации семейного уклада, которые, однако, не привели к полному размыванию традиционных гендерных и поколенческих иерархий. Их ослабление было в первую очередь связано с массовым переселением автохтонных этносов региона из села в город, которое началось в Карачаево-Черкесии в 1960-е гг.⁴⁵ В этот же период у коренных народов республики началось постепенное снижение рождаемости, которая к концу 1990-х максимально приблизилась к общероссийской (меее двух детей на одну женщину)⁴⁶. Однако и в 2010-е, насколько можно судить по результатам опроса, семьи в Карачаево-Черке-

42. *Кратов Е., Кратова Н.* Ислам в Карачаево-Черкесской Республике // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 39–46; *Лункин Р. Н., Филатов С. Б.* Ислам в Карачаево-Черкесии: традиции и межнациональный диалог // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 261–267.

43. *Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С.* Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 342–365.

44. *Казенин К. И., Козлов В. А.* (2017) Особенности брачно-репродуктивного поведения населения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН. 2017. №2. С. 65–81.

45. *Белозеров С. В.* Этническая карта Северного Кавказа. М.: О. Г. И., 2005. С. 108–130.

46. *Казенин К. И.* Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии?

сии довольно заметно различались, например, по тому, насколько молодое поколение было зависимо от старших в принятии важных жизненных решений. Так, 55% опрошенных женщин заявили, что им требуется одобрение старших родственников для принятия решения о заключении или расторжении брака, а 38% — что им не требуется такого одобрения; для 71% требовалось одобрение старших родственников, чтобы поменять место жительства даже внутри региона, для 24% такого одобрения не требовалось. При этом лишь 38% сочли важным воспитание детей в традициях своего народа. То есть и в отношении семейного «традиционализма» имело место достаточно большое разнообразие практик и отношений, что также давало возможность сопоставлять разные группы женщин по характеристикам репродуктивного поведения.

В качестве инструмента анализа была использована экспоненциальная модель наступления событий⁴⁷. Данная модель оценивает влияние различных признаков на вероятность (точнее, «риск» — hazard, величину, отличную от вероятности, но математически связанную с ней) наступления интересующего события. Положительная связь какого-либо параметра с «риском» наступления того или иного события в модели означает, что у женщин, обладающих данным признаком, при прочих равных, выше общая вероятность наступления события и меньше временной интервал между началом того периода, в котором может произойти событие, и его наступлением. Отдельно были построены модели для рождения первого и второго ребенка (построение моделей для третьего и последующих детей было затруднено из-за низкой доли женщин с таким числом детей в выборке). Поскольку доля внебрачной рождаемости среди респондентов была крайне низкой (менее 3%), «стартовым» временем для анализа рождений первых детей был месяц регистрации брака. Для рождения вторых детей «стартовым» временем был восьмой месяц после рождения первого ребенка. Разведенные или овдовевшие женщины исключались из анализа рождений обоих порядков. Во всех моделях в качестве контрольных использовались следующие параметры: год рождения, уровень образования, этническая принадлежность (по самоопределению). Также в модели по одному включались параметры, характеризующие религиозность или семейный уклад. В таблице 2 приведены основные результаты мо-

47. Бурдяк А.Я. Применение метода «анализа наступления события» (event history analysis) с помощью пакета SPSS//Spero. 2007. № 6. С. 189–202.

делирования. Знак «+» указывает на то, что при значении параметра, включенном в таблицу, «риски» наступления события выше, чем при альтернативном значении параметра, и это соотношение статистически значимо; знак «-», соответственно, указывает на статистически значимую негативную связь между данным значением параметра и событием.

Таблица 2. Статистическая связь между «рисками» рождения первого и второго ребенка и некоторыми признаками респондентов

	Рождение первого ребенка	Рождение второго ребенка
Проживает в городе	-	-
Считает себя верующей	+	+
Считает аборт допустимым без специальных условий	-	-
Считает важным воспитание детей в традициях своего народа		+
Считает важным религиозное воспитание детей		+
Требуется одобрение старших родственников для переезда в другой населенный пункт или регион	-	
Родители женщины и ее супруга были знакомы до заключения брака	+	-

Отрицательное влияние городского проживания на рождаемость первых и вторых детей отражает стандартную тенденцию к более высокой рождаемости на селе, наблюдаемую в большинстве стран мира. Положительное влияние личной религиозности женщины на рождаемость первых и вторых детей подтверждается для двух параметров: самооценки женщины в качестве верующей и ее отношения к абортам как недопустимым ни при каких условиях (выше отмечено, что такое отношение к абортam может быть использовано для косвенной оценки религиозности). Кроме того, среди женщин, считающих важным религиозное воспитание, при прочих равных выше рождаемость вторых детей.

Что касается параметров, характеризующих уклад семьи, то их роль для рождаемости оказалась более противоречивой. Знакомство родителей женщины и родителей ее супруга до заключения брака, один из вероятных признаков участия старших родственников в создании семьи, обнаружило статистически значимое позитивное влияние на рождаемость первых детей и негативное — на рождаемость вторых детей. У женщин, которые заявили, что им требуется одобрение старших родственников при принятии решения о переезде в другой населенный пункт или регион, значимо *ниже* оказалась рождаемость первых детей, а по рождаемости вторых детей отличия от женщин, которым не требуется такого одобрения, было незначимым. Наконец, у женщин, считающих важным воспитание детей в традициях своего народа, значимо выше была рождаемость вторых, но не первых детей.

Далее, статистический анализ обнаружил отсутствие корреляции между двумя этими группами параметров: личная религиозность женщины оказалась не связанной с действием гендерных и поколенческих иерархий в ее семье. То есть подтверждаются результаты ряда исследований, рассмотренных в первом разделе, согласно которым религиозность женщины и ее положение в семье — это два независимых фактора, потенциально значимых для рождаемости. Однако только для первого фактора гипотеза о положительном влиянии на рождаемость нашла регулярное подтверждение при анализе результатов опроса.

Вопрос о том, почему для параметров «традиционности» семейного уклада не выявлено регулярной значимой связи с более высокой рождаемостью, требует отдельного исследования. Отметим, что, как показано в другой нашей публикации, для вступления в первый брак в Карачаево-Черкесии гипотеза о более ранней брачности женщин из более «традиционных» семей также не подтвердилась, причем этот результат отчасти объясним межэтническими различиями: у одного из коренных народов региона, карачаевцев, обнаруживается и более выраженное действие поколенческих иерархий в семье, и наблюдаемый во многих поколениях более поздний возраст вступления женщины в первый брак⁴⁸. Возможно, для данного народа такой достаточно неожиданный набор тенденций наблюдается и в случае рождения первых и вторых детей.

48. Казенин К.И. Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии?; Казенин К.И., Сороко Е.Л. Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа // Демографическое обозрение. 2021. № 8(2). С. 95–127.

С учетом общих тенденций рождаемости среди мусульман мира и исследований этих тенденций, представленных в первом разделе, пример Карачаево-Черкесии представляет интерес в следующих аспектах.

Во-первых, на примере данного региона видно, что личная религиозность женщины может быть значимой для рождаемости даже в таком социуме с преобладанием мусульманского населения, где рождаемость находится на достаточно низком уровне (ниже двух детей на одну женщину). Это значит, что, если тенденции к снижению рождаемости, наблюдаемые, как мы видели, в разных частях мусульманского мира, получают развитие и рождаемость приблизится к «европейским» уровням, факторы личной религиозности могут, тем не менее, сохранить свое значение для репродуктивного поведения населения. Следует, впрочем, оговорить, что «измерение» религиозности респондента в количественном опросе всегда достаточно условно, что вполне относится и к нашему исследованию.

Во-вторых, подтвердилось, что личная религиозность может влиять на рождаемость самостоятельно, а не *через* элементы семейного уклада. Этот вывод позволяет допустить, что возможные дальнейшие изменения семейного уклада не аннулируют обнаруженную связь между личной религиозностью женщин и рождаемостью.

Наконец, более «технический», но интересный для методологии результат состоит в том, что факторы личной религиозности могут иметь разное влияние на рождаемость детей разных порядков (ср. значимость отношения женщины к религиозному воспитанию для рождаемости вторых, но не первых детей). Это указывает на важность отдельного исследования рождений разных порядков при изучении влияния религии на рождаемость, в том числе среди мусульман.

Анализ данных опроса, проведенного в российском регионе, еще раз подтверждает, что изменения фокуса внимания исследований влияния религии на рождаемость в последние десятилетия (см. статью К. Казенина и М. Муракаева в настоящей подборке) не были случайными: без учета параметров личной религиозности изучение этого влияния будет заведомо неполным. При этом очевидно, что перспектива более глубоких исследований в этом направлении во многом зависит от развития системы параметров, которые служили бы индикаторами религиозности индивида.

Библиография / References

- Белозеров С. В. Этническая карта Северного Кавказа. М.: О. Г. И., 2005.
- Бурдяк А. Я. Применение метода «анализа наступления события» (event history analysis) с помощью пакета SPSS // *Spero*. 2007. № 6. С. 189–202.
- Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // *Демографическое обозрение*. 2017. № 4(4). С. 6–79.
- Казенин К. И. Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии? // *Демографическое обозрение*. 2019. № 6(3). С. 98–127.
- Казенин К. И., Козлов В. А. (2017) Особенности брачно-репродуктивного поведения населения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // *Вестник Института экономики РАН*. 2017. №2. С. 65–81.
- Казенин К. И., Сороко Е. Л. Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа // *Демографическое обозрение*. 2021. № 8(2). С. 95–127.
- Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С. Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 4. С. 342–365.
- Кратов Е., Кратова Н. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике // *Россия и мусульманский мир*. 2009. № 10. С. 39–46.
- Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Ислам в Карачаево-Черкесии: традиции и межнациональный диалог // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 1. С. 261–267.
- Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. № 17(1). С. 37–54.
- Al Zalak, Z., Goujon, A. (2017) “Exploring the Fertility Trend in Egypt”, *Demographic Research* 37: 995–1030.
- Belozerov, S. V. (2005) *Etnicheskaia karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic map of the North Caucasus]. М.: О. Г. И.
- Burdyak, S. V. (2007) “Primenenie metoda “analiza nastupleniia sobytii” s pomoshch’iu paketa SPSS” [Using the method of event history analysis with the SPSS package], *SPERO* 6: 189–202.
- Cain, M., Khanam, S. R., Nahar, Sh. (1979) “Class, Patriarchy, and Women’s Work in Bangladesh”, *Population and Development Review* 5: 405–438.
- Capelli, I. (2019) “Non-Marital Pregnancies and Unmarried Women’s Search for Illegal Abortion in Morocco”, *Health and Human Rights* 21(2): 33–46.
- Casterline, J. B., Sathar, Z. A., ul Haque, M. (2001) “Obstacles to Contraceptive Use in Pakistan: A Study in Punjab”, *Studies in Family Planning* 32(2): 95–110.
- Cetorelli, V., Leone, T. (2012) “Is Fertility Stalling in Jordan?”, *Demographic Research* 26: 293–318.
- Chamie, J. (1986) “Polygyny among Arabs”, *Population Studies* 40(1): 55–66.
- Courbage, Y. (2015) “The Political Dimensions of Fertility Decrease and Family Transformation in the Arab Context”, *DIFI Family Research and Proceedings* 3.

- Dharmalingam, A., Morgan, P.S. (2004) "Pervasive Muslim-Hindu Fertility Differences in India", *Demography* 41(3): 529–545.
- Dyson, T., Moore, M. (1983) "On Kinship Structure, Female Autonomy, and Demographic Behavior in India", *Population and Development Review* 9(1): 35–60.
- Eltigani, E. E. (2009) "Toward Replacement Fertility in Egypt and Tunisia", *Studies in Family Planning* 40(3): 215–226.
- Goldscheider, C. (2006) "Religion, Family, and Fertility: What do We Know Historically and Comparatively?", in R. Derosas, F. van Poppel (eds) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*, pp. 41–57. Springer.
- Hatun, D., Warner, D.F. (2021) "Disentangling the Roles of Modernization and Secularization on Fertility: The Case of Turkey", *Population Research and Policy Review* 41: 1161–1189.
- Hoodfar, H., Assadpour, S. (2000) "The Politics of Population Policy in the Islamic Republic of Iran", *Studies in Family Planning* 31(1): 19–34.
- Johnson-Hanks, J. (2006) "On the Politics and Practice of Muslim Fertility", *Medical Anthropology Quarterly* 20(1): 12–30.
- Jones, G.W. (2006) "A Demographic Perspective of the Muslim World", *Journal of Population Research* 23(2): 243–265.
- Kaufmann, E. (2008) "Islamism, Religiosity and Fertility in the Muslim World", paper presented at the European Population Conference, Barcelona, Spain, July 9–12.
- Kazenin, K., Kozlov, V. (2020) "What Factors Support the Early Age Patterns of Fertility in a Developing Country: The Case of Kyrgyzstan", *Vienna Yearbook of Population Research* 18: 185–213.
- Kazenin, K. I. (2017) "Rozhdaemost' v semiakh migrantov: dannye, gipotezy, modeli" [Fertility in migrant families: data, hypotheses, models], *Demograficheskoe obozrenie* 4: 6–79.
- Kazenin, K. I. (2019) "Traditsionalizm semeinogo ukлада i vozrastnye kharakteristiki brachnosti: o chjom govorit primer Karachaevo-Cherkessii" [Family traditionalism and age at marriage: what does the case of Karachay-Cherkessia show?], *Demograficheskoe obozrenie* 3: 98–127.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2017) "Osobennosti brachno-reproductivnogo povedeniia naseleniia v Respublike Daghestan: ikh prichiny i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviia" [Specificity of nuptiality and fertility in the Republic of Daghestan: its reasons and socio-economic consequences], *Vestnik Instituta Ekonomiki RAN* 2: 65–81.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A., Mitrofanova E. S. (2020) "Kak izmeneniia gendernykh i mezhpokolencheskikh otnoshenii vliiaut na demograficheskoe povedenie" [How do changes of gender and intergenerational relations effect demographic behavior], *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye perezmeny* 4.
- Kazenin, K. I., Soroko, E. L. (2021) "Demograficheskaiia modernizatsiia i vstuplenie v pervyi brak u narodov Severnogo Kavkaza" [Demographic modernization and first marriage among ethnic groups of the North Caucasus], *Demograficheskoe obozrenie* 2: 95–127.
- Knodel, J., Gray, R.S, Sriwathcharin, P., Peracca, S. (1999) "Religion and Reproduction: Muslims in Buddhist Thailand", *Population Studies* 53(2): 149–164.
- Koenig, M., Ahmed, S., Hossain, M., Mozumder, A. (2003) "Women's Status and Domestic Violence in Rural Bangladesh: Individual- and Community-Level Effects", *Demography* 40(2): 269–288.

- Kratov, E., Kratov, N. (2009) "Islam v Karachaevo-Cherkesskoj Respublike" [Islam in Karachay-Cherkess Republic], *Rossija i musul'manskij mir*, 10: 39-46.
- Lunkin, R. N., Filatov S. B. (2019) "Islam v Karachaevo-Cherkessii: traditsii i mezhnatsional'nyi dialog [Islam in Karachay-Cherkessia: traditions and interethnic dialogue], *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, 1.
- Mehryar, A. (2005) "Shi'ite Teachings, Pragmatism and Fertility Change in Iran", in G. W. Jones, M. S. Karim (eds) *Islam, the State and Population*, pp. 118-156. London.
- Morgan, S. P., Stash, S., Smith, H. L., Mason, K. O. (2002) "Muslim and Non-Muslim Differences in Female Autonomy and Fertility: Evidence from four Asian Countries", *Population and Development Review* 28(3): 515-537.
- Obermeyer, C. M. (1992) "Islam, Women and Politics: the Demography of Arab Countries", *Population and Development Review* 18: 33-57.
- Obermeyer, C. M. (1992) "Islam, Women, and Politics: The Demography of Arab Countries", *Population and Development Review* 18(1): 33-60.
- Obermeyer, C. M. (1994) "Religious Doctrine, State Ideology, and Reproductive Options in Islam", in G. Sen, R. C. Snow (eds) *Power and Decision: The Social Control of Reproduction*, pp. 59-75. Boston: Harvard Center for Population and Development Studies.
- Ouadah-Bedidi, Z., Vallin, J. (2012) "Fertility and Population Policy in Algeria: Discrepancies Between Planning and Outcomes", *Population and Development Review* 38: 179-196.
- Salway, S. M. (2007) "Economic Activity Among UK Bangladeshi and Pakistani Women in the 1990s: Evidence for Continuity or Change in the Family Resources Survey", *Journal of Ethnic and Migration Studies* 33(5): 825-847.
- Shapiro, G. K. (2014) "Abortion Law in Muslim-Majority Countries: An Overview of the Islamic Discourse with Policy Implications", *Health Policy and Planning* 29(4): 483-494.
- Sobotka, T., Skirbekk, V., Philipov, D. (2011) "Economic Recession and Fertility in the Developed World", *Population and Development Review* 37(2): 267-306.
- Starodubrovskaya, I. (2019) "Krisis traditsionnoi severokavkazskoi sem'i v postsovetskii period i ego sotsialniye posledstviia" [The crisis of the traditional North Caucasus family in the post-soviet period and its social consequences], *Zhurnal issledovanii sotsialnoy politiki* 1 (17): 39-56.
- Stonawski, M., Potančoková, M., Cantele, M., Skirbekk, V. (2016) "The Changing Religious Composition of Nigeria: Causes and Implications of Demographic Divergence", *The Journal of Modern African Studies* 54(3): 361-387.
- Stonawski, M., Potančoková, M., Skirbekk, V. (2016) "Fertility Patterns of Native and Migrant Muslims in Europe", *Population, Space, and Place*, 22: 552-567.
- Tønnessen, L., Al-Nagar, S. (2019) "The Politicization of Abortion and Hippocratic Disobedience in Islamist Sudan", *Health and Human Rights* 21(2): 7-20.
- Westoff, R., Freijka, T. (2007) "Religiousness and Fertility among European Muslims", *Population and Development Review* 33(4): 785-809.